

ВИРДЖИНИЯ
ХАРТМАН

перевод Елены Музыкантовой

ХОЗЯЙКА БОЛОТ

роман

МИО

Вирджиния Хартман
Хозяйка болот
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
На одном дыхании»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548752

Хозяйка болот / Вирджиния Хартман: Манн, Иванов и Фербер; Москва;

2023

ISBN 9785001956594

Аннотация

Семейная драма, действие которой происходит среди вдохновляющих пейзажей Флориды. О тайнах прошлого, забытых воспоминаниях и безграничной силе родительской любви.

Лони Мэй живет в Вашингтоне и работает иллюстратором: рисует птиц в Смитсоновском институте. Болезнь матери заставляет ее ненадолго вернуться домой, в заболоченные земли Северной Флориды – место, где она выросла и откуда всегда хотела сбежать.

Двадцать пять лет назад здесь погиб ее отец. Одни шептались о самоубийстве, другие – о несчастном случае. Лони до сих пор

не призналась себе, насколько страшной может оказаться правда, но теперь решается ее отыскать.

Для кого эта книга

- Для поклонников романов «Там, где раки поют» Делии Оуэнс, «И повсюду тлеют пожары» Селесты Инг, «Эмпайр Фоллз» Ричарда Руссо, «Мальчики Бёрджессы» Элизабет Страут.

- Для тех, кто любит мистические романы, полные тайн из прошлого.

- Для тех, кто хочет прогуляться по вдохновляющим пейзажам Флориды (хотя бы на страницах книги).

- Для читателей семейных драм.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Хозяйка болот	8
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вирджиния Хартман

Хозяйка болот

Virginia Hartman
The Marsh Queen

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2022 by Virginia Hartman

Originally published by Gallery Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Посвящается моим детям и памяти ЭрДжей
и Алекс*

*На твоём берегу родился,
Кровью слился я с тобой.
И твой шепот в сны приходит,
Манит вечно за собой.*

Генри Дэвид Торо

*Есть обитель живых, и есть обитель мертвых;
мост же между ними – любовь. Лишь она имеет
смысл, лишь она может спасти.*

Торнтон Уайлдер

Хозяйка болот

1

Любой другой на моем месте двинулся бы дальше не оборачиваясь и вовсе не стал бы тратить время на размышления о том, что же изменило меня в худшую сторону. Но порой в душе зарождается крохотный узелок сомнений. Медленно, с неспешностью восходящего солнца он заволакивает разум клубами тумана. *А вот надо было, ну почему я так не сделала, вот если бы.* Раз за разом я прокручиваю в голове тот день, когда отец покинул нас навсегда.

Солнце рыжими лучиками просачивалось сквозь листву дубов, папа расхаживал у крыльца, а двенадцатилетняя я наблюдала за ним, усадив на бедро еще совсем маленького брата Филиппа. Братишка ухватил в свой пухлый кулачок прядь моих темно-каштановых волос, я скривилась и аккуратно высвободила локон.

Папа ударился ногой о нижнюю ступеньку и поморщился.
– Слушай, милая. Пусть наша соседка, мисс Джолин, поможет твоей маме присмотреть за братиком. Так что, Лони Мэй? Пойдешь со мной?

Отец уже несколько месяцев не вспоминал про рыбалку,

но с каждым днем все чаще метался по дому, натыкался на мебель, хлопал дверью. В доме гудело, как накануне бури.

В тот памятный день мама сказала:

– Бойд, ступай займись чем-то! Мечешься по дому как тигр в клетке.

Все бы отдала, лишь бы пойти тогда с ним, сидеть на краю трясины, зарисовывать каждое существо, что попало на глаза, наблюдать и слушать папу, как прежде. Но разве я могла? Пришлось остаться. С рождением Филиппа у меня появилось предназначение. Я сидела с братом, пока мама говорила по телефону, отдыхала или хлопотала по дому. Я умела заставить Филиппа смеяться этим икающим младенческим смехом. Возилась с ним после школы, развлекалась на выходных – и теперь он в какой-то мере стал моей летней работой. Мама больше не качала головой, коря меня за бесполезность, и не возводила глаза к небесам.

Хрустя гравием, отец пошел в гараж и достал удочку и снасти. Я сунула в рот кончик своей косы и сосала его, пока он не превратился в тонкую пику. Папа тем временем направился к концу дока: в левой руке – коробка для снастей, жилет цвета хаки обвис под тяжестью свинцовых грузил и приманок. Отец обернулся на минуту, наклонив голову так, что лицо попало на свет. Я помахала, но луч солнца ударил папе в глаза, и он не увидел. Просто повернулся к лодке, забрался в нее и уплыл.

Мы думали, отец остался с ночевкой в рыбацком лагере,

в той выцветшей двухкомнатной хижине, примостившейся на илистом берегу, или отправился в патруль прямо с болот. Но настало утро понедельника, а папина отглаженная униформа отдела рыбоохраны все так же висела в шкафу.

Днем к нам в дом заглянул папин начальник, капитан Шаппель. Высокий, в форме цвета хаки, он прогрохотал ботинками по ступеням нашего крыльца. До двери дойти не успел, а мама уже открыла.

– Привет, Рут. Просто зашел узнать, Бойд прихворнул, что ли?

Мама обернулась ко мне.

– Лони, иди займись своими делами.

Судя по двум вертикальным морщинам, залегшим меж ее бровей, препираться не стоило.

Как я ни старалась, так и не смогла разобрать из кухни то, что мама с капитаном тихо обсуждали на веранде. А когда я вытерла последнюю тарелку, то услышала, как хрустит гравий под шинами отъезжающего грузовика.

Ночью похолодало, пришлось влезать в свитера, а папа так и не вернулся. Я успела лечь спать – и много времени спустя услышала голоса и вышла на лестницу.

– И как я сам не понял, – говорил мужчина, капитан Шаппель. Квадратные стеклянные панели на веранде залила темнота, пряча за собой ночное болото. Перила едва озарялись люющим с первого этажа светом. Голос капитана казался каким-то зыбким. – Бойд последнее время был сам не свой.

Мне просто в голову не могло прийти, что он...

– Нет, – перебила мама.

– Он дома не вел себя странно? Может, хандрил из-за чего? А то последние недели...

– Нет, – громче повторила она.

Капитан заговорил совсем тихо, но несколько слов все же долетели до меня: *«Утонул... намеренно... с грузом...»*

– Нет, – упрямо твердила мать.

– Мы все прикроем, Рут. Несчастные случаи на лодках – дело обычное.

– Не с моим Бойдом.

В похоронном бюро я отошла от лакированного деревянного ящика и прислушалась.

«Какая чудовищная трагедия».

«Как жаль».

«Да на лодке с кем угодно что угодно может случиться».

«Не знаешь, когда настанет твой черед».

Итак, это все же был несчастный случай. А те слова, что долетели до меня на лестнице, – просто дурной сон. После похорон мы с мамой отнесли Филиппа домой и о папе больше не упоминали. Может, если не произносить его имя, как-то забудется, что он никогда не вернется.

Тело весом примерно шестьдесят восемь килограмм, упавшее в воду с высоты примерно полуметра, если его утяжелить семью-девятью килограммами дополнительного груза, скажем свинцовыми гирями, будет тонуть со скоростью примерно тридцать сантиметров в секунду. Человек может биться и сопротивляться, а может отдаться на волю судьбы, пока темнота и холод не возьмут над ним верх, пока не перестанет хватать воздуха, до запоздалого сожаления, когда давление, темнота и расстояние до поверхности уже не позволят передумать. В этот момент скорость погружения становится неважной, а мелкая рыбешка приближается и начинает клевать плоть.

В стеклянном резервуаре передо мной маячит крошечная фигурка водолаза; вверх от нее поднимаются пузырьки воздуха, а рядом крутятся рыбки. Нет уж. Никогда больше не пойду в Национальный аквариум, как бы близко он ни находился к моей работе. Взгляд переходит с ныряльщика на кого-то позади меня – темноволосую молодую женщину, что будто парит в пространстве. Я оборачиваюсь, но там никого нет. Это мое собственное отражение, выросшая я, и ее на секунду не узнала та маленькая девочка, чьи страхи имеют привычку пробираться в сознание взрослого человека, которого я из себя со временем слепила.

Кто бы мог подумать, что эти встроенные на уровне глаз в стену вестибюля офисного здания семь или восемь резервуаров невольно поставят под удар тот хрупкий безопасный мир, который я выстроила здесь, в Вашингтоне? Как бы меня ни умоляли, ихтиологам придется найти другого художника. Отныне и впредь буду рисовать только птиц.

Быстрым шагом возвращаюсь на два зала назад, в отдел естествознания, не обращая внимания на одетого в темный костюм мускулистого парня, который пытается встать у меня на пути и пыхтит: «Эй, дорогуша. Куда торопишься?» Наконец вхожу в сияющее фойе своего святилища. Не особо люблю гулять по музею, в нем вечно шумно и множество туристов, школьных экскурсий и голодных до зрелищ зевак. Их любопытство даже умиляет – они лишь песчинки в мире природы. Их ослепляет блеск мрамора, ошеломляют детали архитектуры и драгоценные артефакты.

Однако в моем нынешнем мрачном настроении сам вход в здание уже обрушивает на меня тяжесть смерти: вокруг множество экспонатов, тысячи всевозможных туш, чучел или костей, всех их извлекли из небытия, чтобы изучить, но все они мертвые.

Такие же мертвые, как птицы, которых я рисую. В эти дни мое единственное утешение – представлять, как каждая пришпиленная бабочка вдруг взлетает, каждое чучело сумчатого просыпается, каждый сохранившийся образец растения расцветает и ковром расползается по мраморному полу,

словно лес, снятый в режиме замедленной съемки, и каждая птица оживает, взлетая под купол и упархивая прочь. В те дни, когда туман приходит и вгрызается в мой живот, точно острозубый паразит, лишь эти видения могут меня спасти.

Конечно, есть и более продолжительное, более материальное спасение – работа. Я могу часами рисовать, например, обыкновенную гагару с ее чернильно-черной головой, белой полосой на шее и замысловатыми точками и ломаными прямоугольниками, каскадом спускающимися поперек крыльев. При должном старании я могу превратить мертвенную неподвижность птичьего оперения в поразительное подобие жизни.

Из фойе музея я попадаю в коридор и поднимаюсь в свою студию – хорошо освещенный офис со старым металлическим столом, оттесненным в угол моим кульманом¹. Вертикальные полки забиты листами чертежной бумаги и мягкими карандашами, разложенными по номерам и мягкости графита. Темные бутылки чернил соседствуют с безумным количеством перьев, рядом с ними лежат по цветам радуги тюбики краски – красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый и все промежуточные оттенки.

Сажусь за кульман и смотрю на Молл, огромный зеленый газон с протянувшейся по нему белой цепочкой музеев и памятников. Потребовалось девять лет, чтобы заполнить

¹ Чертежный прибор пантографной системы в виде доски, установленной вертикально или под углом. *Здесь и далее прим. пер.*

офис с видом на американские вязаы, которые вот-вот выпустят хрупкие мартовские почки, и здание Смитсоновского института. Я проработала здесь всего день и поняла, что обрела дом. Вчера мне исполнилось тридцать шесть, коллеги с песнями пришли сюда и настояли, чтобы я задула свечи на маленьком торте. Они не знают, что вода поднимается. Скоро я достигну тридцати семи, любимого числа моего отца, финальной точки, которую он так и не перешагнул.

Беру кисточку. На столе – наполовину готовый рисунок кайеннской пигалицы (*Vanellus chilensis*). Головка украшена изящным черным хохолком. Делаю поярче бронзовые пятна в верхней части крыльев, затем дорисовываю серые, черные и белые участки. Для клюва потребуется кисть номер ноль. Отворачиваюсь от окна к стеллажам и перебираю чистые, аккуратно разложенные принадлежности.

Уже тружусь над самым кончиком клюва, как вдруг звонит телефон. Приходится отвлечься.

– Лони, это Фил.

На крошечную долю секунды думаю, что брат вспомнил о моем дне рождения. Но быстро возвращаюсь в реальность.

– Что-то случилось?

– Мама упала. Тебе лучше приехать. – Брат запинается. – И... рассчитывай, что задержишься надолго.

Она сломала запястье, продолжает Фил, но главная беда не в этом.

– Лони, она как-то странно себя ведет. У нее что-то с па-

мantly...

– Да брось, с возрастом у всех память не очень, – перебиваю я. Да, в прошлом году мама часто на меня раздражалась, но она всегда так ко мне относилась.

– Тэмми думает, это первые звоночки деменции.

Матери всего шестьдесят два, а Тэмми, жена Филя, вовсе не специалист в области медицины или психологии. Не желаю, чтобы невестка так легко разбрасывалась диагнозами.

– Ладно, может, сумею выкроить пару дней.

– Нет, Лони, послушай. Возьми отпуск подлиннее. Все серьезно. И ты нам нужна.

Он так редко о чем-то просит. И все же сейчас не самое лучшее время уходить в отпуск. Администрация, решив оценить эффективность сотрудников, поставила над ними кучку не ученых, а в основном менеджеров в возрасте двадцати пяти лет. Я бы сказала, что к нам пришла молодая кровь, не ведаю они себя так сухо и заносчиво. Полное отсутствие опыта маскируется подчеркнутой строгостью, ведь наше начальство наделило этих ребят властью. Я бы даже с пониманием отнеслась к их молодости, не задайся они целью выжить хороших специалистов.

Отвечающего за орнитологию юного мясника зовут Хью Адамсон. В прошлый понедельник он собрал персонал и разразился корпоративным напутствием, сводящимся к двум словам – «сокращение» и «уплотнение».

– Мы будем поощрять ранний выход на пенсию. Замену

ушедшим искать не стоит. Любой, кто хоть как-то попытается увильнуть от работы, столкнется с последствиями.

У нас довольно свободный дресс-код, но Хью каждый день ходит в костюме. Похоже, сам еще к нему не привык – брюки натягиваются на бедрах, идеально накрахмаленная рубашка впивается в шею.

– Сокращение кадров путем отсева, – сказал он, оттягивая ворот, – не должно влиять на настроение коллектива.

Я украдкой глянула на своего босса Тео, но его постаревшее усатое лицо даже не шелохнулось. Бюджетников трудно уволить, но, кажется, эти новые бюрократы решили найти лазейку. А вот чего Хью и ему подобные не понимают, так это того, что строгость руководства не может мотивировать кого-либо в нашей сфере деятельности. Учреждение поощряет широкое мышление, а способность дышать необходима для прорыва науки. Университетские сотрудники буквально жизнь положили на свое дело. Но эти молодые люди – как на подбор молодые белые мужчины – не видят ничего, кроме собственной повестки.

Ныне эта повестка заточена на беспрекословное подчинение. Внезапный и продолжительный отъезд в Северную Флориду им явно не придется по вкусу.

Спускаюсь в холл посоветоваться с библиотекаршей отдела ботаники Делорес Константин. Она проработала тут последние сорок лет.

Делорес – живая память этого места и мой личный пример

долгой карьеры. А еще у нее язык острый, словно стебель чертополоха.

Вдоль коридора, что ведет в отдел ботаники, выстроились шкафы, полные высушенных растений, разложенных на бескислотной бумаге. Сегодня мне кажется, будто я ступаю по оранжерее, по бокам свисают орхидеи и эпифиты, а в воздухе витает призрачный аромат влажного леса.

Захожу в библиотеку и зову:

– Делорес?

– Я здесь.

Она стоит на шатком табурете между битком набитыми рядами книжных полок. На уровне моих глаз из-под подола розовато-лиловой юбки виднеются голени в старческих пятнах. Делорес поднимает над головой два больших тома и ставит их на высокую полку.

– Ой, тебе помочь? В смысле, это разве не опасно?

Она смотрит на меня сквозь бифокальные очки «кошачий глаз», задвигает книги и спускается с табурета.

– Чего ты хотела, Лони?

Я рассказываю ей о звонке брата и о том немногом, что знаю о текущем состоянии моей матери.

Делорес не говорит: «Ой, мне так жаль».

Она просто ведет меня к своему столу, сдвигает в сторону стопку книг, даже не садясь вглядывается в экран, неловко изогнув шею, и щелкает мышкой.

– Видишь? – Указывает на что-то подруга. – Это фор-

ма FMLA. Заявление на отпуск по семейным обстоятельствам. – Она встает, выхватывает из принтера листок и протягивает мне увитой голубыми венами рукой. – Заполни, попроси восемь недель и езжай позаботиться о маме.

– Восемь? Да кто ж мне столько даст?

Делорес упирает кулак в бедро.

– Необязательно использовать всё. Черт, да ты по закону можешь взять двенадцать, если надо. Но теперь, когда у нас тут костюмы разгуливают, лучше ограничиться восьмью.

– Двух недель в родных пенатах мне предостаточно, – заверяю я.

– Уважь свою мать, Лони.

У самой Делорес где-то есть дочь, но это больная тема. Они редко общаются. Пару раз, когда о ней заходила речь, подруга просто пожимала плечами: «Ей не нравится, как я раздаю советы. Но те, кого ты любишь, не обязаны любить тебя в ответ». И вновь принималась за работу.

Делорес укладывает на тележку очередную кипу томов.

– Проси восемь. Если потребуется всего две, вернешься досрочно как истинный и пламенный адепт своего дела.

Она натянуто улыбается и смотрит на меня. Ее глаза за стеклами очков кажутся огромными. Вообще, странно выбирать именно Делорес, чтобы посоветоваться насчет карьеры. Я специализируюсь на птицах, а вот подруга редко о них вспоминает. Она однажды постучала себя по черепу и заявила: «У меня там свободного места нет, милая. Сплошная бо-

таника, изо дня в день». Однако Делорес знает куда больше, чем кажется с виду, особенно о том, какие у нас тут порядки.

– Так что заполняй форму и иди в отдел кадров.

Именно этот совет мне и нужен. Я только успеваю дойти до дверей, как она берет очередную стопку и говорит:

– Запомни три вещи. Первое: институт не оплачивает отпуск по семейным обстоятельствам.

– Но...

– Второе: посмотри программы связей. Думаю, музей в Таллахасси заинтересует твои услуги. Они платят напрямую, так что официально ты так и будешь числиться в отпуске.

– Программы связей?

Делорес шагает обратно к полкам.

– Посмотри.

Киваю, собираюсь уйти, но в последний момент оборачиваюсь:

– А третье?

– Возвращайся строго в срок. У нас тут Французская революция, и эти гады уже смазывают гильотину.

Возвращаюсь за свой стол, заполняю выданное Делорес заявление и штудирую университетский сайт на предмет «программ связи». Затем звоню Эстель, своей ближайшей подруге во Флориде. Она всегда мне отвечает.

– Эстель, твой музей участвует в программе по связям?

С моим институтом?

– И тебе привет, Лони. Да, у меня все хорошо, спасибо, а как ты поживаешь?

Обычно она у нас всегда спешит, а я торможу. И вот единственный раз, когда это важно, Эстель хочет, чтобы я не торопила события. Буквально вижу, где она сейчас – за своим кураторским столом в Музее науки Таллахасси, и могу примерно догадаться в чем – в каком-нибудь потрясающем ярком костюме, белоснежной блузке и с затейливыми украшениями. Наверняка подруга сейчас заправила за ухо свои длинные рыжие локоны, чтобы прижать телефон к уху.

– Эстель, – молю я, – ну пожалуйста, скажи.

– Да, участвует. Сама как думаешь, чтобы моя лучшая подруга работала в Смитсоновском институте, а я никак связь не наладила? Правление утвердило программу еще полгода назад, и я тебе об этом, скорее всего, говорила.

– Да. Точно!

– Как-то у тебя в голосе маловато энтузиазма, Лони.

– Ага. Посмотри, не нужен ли вам неприкаянный художник, рисующий птиц?

– Неужто домой возвращаешься?

– Ненадолго.

– Ура! Да, кстати...

– Ты только сразу заявку не подавай, – прошу я. – Просто приятно знать, что есть такая возможность.

Уходит три дня на то, чтобы отпуск утвердили, одобрили, а я успела умаслить своего босса Тео. Он садится за стол, подписывает бумаги, затем отбрасывает ручку и проводит ладонью от седеющих усов до подбородка.

– Тео, я ненадолго, – стараюсь я успокоить начальника. – Две недели максимум.

– Угу.

– К проекту фрагментации леса вернусь. – Мы годами его разрабатывали, предстоит тщательно задокументировать всю популяцию птиц, и потребуется множество иллюстраций. – Обещаю.

Я собираю набор для рисования, крошечную коробочку для инструментов, в которую кладу свои любимые карандаши, ручку и несколько перьев, канцелярский нож, камень арканзас и больше мятых тюбиков с краской, чем мне когда-либо понадобится. Запихиваю альбом для рисования и несколько других мелочей в большую тканевую сумку, а затем выключаю свет в кабинете.

От отдела ботаники ко мне бежит моя напарница художница Джинджер. Ее долговязое тело раскачивается, а волосы мотаются туда-сюда, словно пучок укропа на ветру.

– Лони, когда ты уедешь, кто ж будет защищать меня от жуколюдов?

Вообще, отделы не слишком уважительно относятся друг к другу. Геологи у нас камнелюды, Делорес и Джинджер –

траволюды, мы, орнитологи, – птицелюды, ихтиологи – рыболоды, энтомологи – жуколюды, палеонтологи – костелюды, а вот антропологи – просто антро, иначе пришлось бы звать их людолюды. Джинджер – художник-ботаник, но по большей части болтается у меня в кабинете. Либо утешает после очередного неудачного свидания, говорит, какая я красивая, как трачу время на дураков, как она завидует моим длинным прямым волосам, а то ее собственные вечно выются от влажности... Либо жалуется на жуколюдов, как те достают ее с просьбами что-то им порисовать.

– Целых восемь недель! – стонет Джинджер.

– Да не задержусь я там настолько. – Я беру набор. – И все равно буду там работать.

После нашего разговора Эстель перезвонила и сообщила, что изыскала средства на рисовку основных птиц Флориды.

Тео выходит из своего кабинета в конце коридора и приглаживает седые усы. Льющийся в окно на крыше свет обволакивает его мягкое тело. Тео был моим наставником со времен моей первой смитсоновской экспедиции, когда наша группа ученых отправилась в грязный перуанский облачный лес в поисках *галлито де лас рокас* (*Rupicola peruvianus*), ярко-оранжевой птицы с высоким гребнем. Я тащила за Тео много миль, моя энергия почти иссякла, оставалось два глотка воды, и мне не на чем было сосредоточиться, кроме как на складках, выпирающих из-под пояса его грязных брюк цвета хаки. Я еще недоумевала, как пухлый мужик на двадцать лет

старше меня может обладать такой выносливостью.

Вдруг он резко остановился и указал на птицу мандаринового цвета, которую мы, собственно, и пришли посмотреть. Без Тео я бы прошла мимо нее.

– Заполнила форму? – пытается спросить он строгим тоном.

– Да, босс.

– Получила официальное разрешение от отдела кадров?

Я киваю.

– Последнее слово? – спрашивает он.

– Не дайте им испортить мою работу.

– Просто возвращайся вовремя, Лони. Больше мне сказать нечего.

– Намек понят. – Я хлопаю его по руке, большего проявления чувств нам по регламенту не положено, затем толкаю дверь и выхожу в следующий коридор.

И там меня встречает наш чудесный Хью Адамсон. На нем ярко-красный галстук с золотым зажимом.

– Мисс Марроу, можно вас на пару слов?

Никогда не умела скрывать чувства. Боюсь, что встречу с Хью я не перенесу так стойчески, как прощание с Тео. То ли большой начальник до сих пор помнит ту пару неудобных вопросов, что я посмела задать, то ли лицо меня выдает, но Хью смотрит с каким-то особенным презрением.

Он сверяется с записями.

– Мисс Марроу, вижу, вы запросили восемь недель отпус-

ка по семейным обстоятельствам. Сегодня у нас пятнадцатое марта, значит, вернуться вы обязаны десятого мая. Пожалуйста, учтите, что десятое мая – значит десятое мая, и если явитесь на работу одиннадцатого, а не как положено, десятого мая, то нам, к сожалению, придется вас уволить.

Натягиваю улыбку, закрываю глаза и сжимаю зубы. Иначе как-то прокомментирую, сколько раз он повторил «десятое мая», а то и выскажусь, что нечего общаться со старшими как с идиотами.

Вероятно, Хью улавливает ход моих мыслей, потому что понижает свой допубертатный голос и говорит:

– Думаете, я этого не сделаю?

– Прошу прощения?

– Я вижу, как вы смотрите на меня на собраниях. Словно я мелкий говнюк и не понимаю, что делаю.

– Хью, не думаю, что...

– Лучше вам вернуться десятого мая, Лони, потому что одиннадцатого ваш зад вылетит отсюда, как из рогатки, и мы помашем вам на прощание.

Киваю и прохожу мимо нашего юного деспота. Никогда не понимала этого выражения – «вылетит как из рогатки». Вероятно, кто-то соорудил гигантскую копию рогаток, из которых пьяные студенты стреляют шариками с водой по ничего не подозревающим прохожим. Возможно, Хью был председателем своего рогаточного братства. Может, он мечтает запулить так каждого ученого в его маленьком царстве пря-

миком с башни Смитсоновского института.

Чтобы восстановить душевное равновесие, я направляюсь в коридор с птичьими шкурами.

Там хранятся не чучела птиц, и выглядят они в любом случае не мило. Тем не менее мне приятно открывать широкие плоские ящики и видеть образцы, даже если они привязаны за ноги и лишены жизни, описанной в стандартном полевом справочнике. Оказывается, орнитологи одновременно и защитники природы, и убийцы, которые учатся извлекать внутренности птицы и сохранять перья. Но птичья шкура, если ее правильно обработать, может служить экспонатом еще столетие и больше. Как этот ящик, полный кардиналов: молодые особи, самцы, самки, экземпляры с зимним оперением, летним и всевозможные подвиды внутри подви-дов.

Я закрываю ящик и продолжаю бродить по коридорам, впитывая флуоресцентный тусклый свет и запах консервантов. Вероятно, именно они медленно травят наши мозги, навевая странное нежелание уходить и тягу работать сверхурочно даже без оплаты. Шумные посетители музеев никогда не увидят этот лабиринт за сверкающими витринами и освещенными диорамами – им не нужно знать ни о высушенных стеблях отдела ботаники, ни о скелетах, разложенных в отделе антропологии по ящикам с этикетками: «Череп», «Бедренная кость», «Берцовая кость» и «Малоберцовая кость».

У нас в орнитологии тоже шкафы с птицами от пола до потолка, но мы хоть на части их не разбираем.

Я уже почти у камнелюдов. Толкаю стеклянную дверь, ведущую в главную ротонду, где застыло чучело слона. Я поворачиваюсь, поднимаю взгляд, устремляю его мимо балкона к куполу и шепотом возношу молитву миру природы, чтобы он помог мне вернуться в целости и сохранности задолго до десятого мая.

3

17 марта

Когда вчера я покидала Вашингтон, гуляки в зеленом шатались из паба в паб, отмечая День святого Патрика. Город – настоящий коллаж из творений природы и дела рук человеческих. Церцис и тротуары, кизил и машины. Небольшие деревца на участках уже выпустили розовые, похожие на перья лепестки.

Я оставила нежность весны позади ради жаркой, сырой зелени, пока круиз-контроль автомобиля нес меня на юг через Вирджинию и Каролину, штат Джорджия, и дальше, к тому месту, где похожая на ручку кастрюли Флорида и пляжи курорта сменяются береговой линией густых мангровых зарослей и полными рыбешек протоками. Чуть в стороне от залива, там, где вода медленно переходит в сушу, находится мой родной город Тенетки.

Я въезжаю в город, и капелька старого знакомого желания оказаться где-нибудь в другом месте разливается по моей грудной клетке. Я опускаю окна. Воздух насыщен влагой, ветер благоухает дождем. Останавливаюсь перед одним из шести светофоров в Тенетки и роюсь в подстаканнике в поисках резинки, которой можно стянуть волосы с липкой шеи. На третьем светофоре я въезжаю на стоянку больницы Святой Агнессы, или, как мы, дети, ее называли, Дворца престарелых. Хотела бы я, чтобы это действительно был дворец, ради блага моей матери. У здания прянично-нарядный викторианский фасад с бетонным пандусом, ведущим к раздвижным стеклянным дверям.

Сiju на парковке и наблюдаю, как автоматические двери открываются, если кто-то приближается, и закрываются, когда человек проходит. Я смотрю на себя в зеркало заднего вида, расчесываю волосы и прячу веснушки под макияжем. Редко пользуюсь тональным кремом, но мне бы не хотелось, чтобы мама с порога советовала мне «привести себя в порядок». Толку от моих усилий мало – косметика просто образует бежевые капельки пота, которые я вытираю салфеткой. По крайней мере, мои глаза выглядят нормально – белки четко выделяются на фоне зеленых радужных оболочек. Думала, они будут налиты кровью, учитывая количество часов за рулем.

Сiju еще несколько минут, глядя на здание.

Поскольку мама сломала запястье, ее отправили в боль-

ницу Святой Агнессы на физио- и трудотерапию. Фил намекнул по телефону, что, возможно, мать останется там навсегда. Я была настроена скептически, но брат сообщил, какой хаос творится в доме. Как-то с трудом верилось, что моя привередливая мать могла такое устроить: открытые контейнеры с едой в бельеовом шкафу и грязная одежда, засунутая в ящики комода, брошенные включенными горелки, полноточные блуждания по соседским дворам и упорное желание продолжать водить автомобиль даже после нескольких ощутимых аварий. В прошлом году, когда я гостила здесь несколько дней, ничего такого не происходило. Но полагаю, пока запястье мамы заживает и она выздоравливает во Дворце престарелых, мы с Филом можем во всем разобраться.

Когда я прихожу в палату, мать сидит в виниловом кресле, ее рука в гипсе и на перевязи.

– Так, Лони, вези меня домой, – с ходу начинает она голосом, полным звонких мятных нот стареющей дебютантки и скрежета медных гвоздей.

Никаких *«Привет, милая, давно не виделись, как я тебе рада»*. Никаких слез или поцелуев.

– Привет, мам! Давно не виделись!

– Не переводи тему, пришла меня забирать – так забирай!

Жена Фила, Тэмми, парикмахер, уложила мамины волосы в два жестко залакированных локона размером с суповую банку; они поднимаются на дюйм выше макушки, седые кончики изгибаются вниз и касаются висков.

Моя невестка, сама того не понимая, придала моей матери вид полярной совы *Aegolius funereus*. Если, как утверждает Тэмми, она подбирает каждую прическу к личности клиента, о чем может свидетельствовать эта? О мудрости? О бессоннице? Об охотничьем инстинкте?

Мама встает.

– Сумочку я взяла, пошли.

Оглядываю палату, ищу, чем бы ее отвлечь.

– Ой, гляди! Тэмми повесила там твою свадебную фотографию.

– Да, – отвечает мать, – и когда я поведаю отцу, как вы меня тут заперли, он на вас живого места не оставит.

У меня на миг перехватывает дыхание. Она говорит о папе... в настоящем времени. Мама не просто спутала годы, но и нарушила неписаное семейное правило: никогда не упоминать об отце. *«Живого места не оставит?»* Так бы выразился он, не она.

Мать открывает здоровой рукой дверь ванной.

– Сейчас волосы поправлю, и пойдем. – Она хлопает створкой сильнее, чем нужно.

На кровати стоит открытый чемодан, содержимое будто ложкой перемешали. Мама собиралась домой, но я возвращаю все обратно, вешаю блузу в спартанский шкаф, складываю и распределяю прочие вещи по ящикам комода. И уже хочу закрыть пустой чемодан и убрать его под кровать, но вижу в эластичном боковом кармане клочок розовой бумаги

и достаю его.

*Дорогая Рут,
мне нужно кое-что сказать тебе о смерти Бойда.*

Бойда, нашего отца, который не попал в рай. Перескакиваю к подписи. Генриетта. Еще раз читаю первую строчку, вглядываюсь в кудрявый почерк.

Пошли слухи... Я тогда не могла тебе сказать...

Мама выходит из ванной; я прячу записку в задний карман джинсов, а сама ногой запикиваю чемодан под кровать.

– В этом заведении ни единой ватной палочки не сыщешь! – жалуется мать.

– О, давай я принесу.

Выбегаю за дверь, пока мама не вспомнила о своем намерении вернуться домой. Аптека всего в трех кварталах отсюда – в полутора, если срезать через парк, – а по пути можно прочитать записку. Стеклопанная дверь отъезжает в сторону, я выхожу на жару и едва не врезаюсь в высокого, крепкого мужчину.

– Ну привет, Лони Мэй.

Упираюсь взглядом в обтянутую униформой рыбоохраны грудь, и сердце бьется чаще. Поднимаю голову и смотрю в лицо мужчине. Он на год или два старше мамы, но волосы еще темные, да и в принципе на свой возраст не выглядит. На лице мужчины расплывается широкая сияющая улыбка.

– Капитан Шаппель! – Я обнимаю старого знакомого. –

Ой. Простите. Вы меня врасплах застали. Никто не звал меня Лони Мэй с тех пор... как папа...

— Понимаю. — Он молчит. — И меня не отпускает утрата Бойда, сколько бы лет ни прошло.

Звук папиного имени словно резкий сигнал машины. Во время своих кратких визитов домой я редко пересекалась с приятелями отца.

— Куда идешь? — спрашивает Шаппель. — Я собирался навестить твою маму, но пройду с тобой немного. — Мы вместе спускаемся по бетонному пандусу. — Слыхал, ты на север перебралась.

Я вкратце рассказываю о Вашингтоне и институте, а сама разглядываю бывшего папиного начальника. А он до сих пор крепкий, и осанка прямая.

Отец однажды сказал, что доверил бы Шаппелю собственную жизнь.

— Ребятишки есть? — вдруг спрашивает капитан.

Солнце светит ему в спину, и я щурюсь.

— Простите?

— Ну, дочки-сыночки?

— А, нет, сэр.

— Замуж вышла?

— Нет, сэр. Пока нет.

— И тебе по душе этот твой Вашингтон?

— Да, сэр.

«Да, сэр. Нет, сэр». Говорю как ребенок. Только теперь

к южным манерам добавился флоридский акцент.

– Жаль, что с твоей мамой такое, – замечает он. – Только я подумал, что возраст нас не догонит.

– Ну уж вас-то не догнал.

– А я его отпугиваю, каждый день в спортзал хожу! – Капитан шлет мне свою обаятельную улыбку.

Прихожу в себя и вспоминаю, чему учила меня мать: *«Спроси у него, как его дела»*.

– Эм... а как ваши дети?

– Гм. – Шаппель опускает взгляд. – От Шари новостей особо нет. Уехала в Алабаму. А Стиви... – Он сглатывает. – Стиви погиб... авария... в январе еще... – Капитан останавливается и сжимает губы.

Зараза, ну конечно, я об этом слышала – любовое столкновение, Стиви только что вышел из реабилитационного центра, его машина летела по встречке.

– О нет. Мне так жаль.

Шаппель делает вдох, пытается совладать с собой.

– Остался я один в доме, – говорит он глухо. – После работы тягаю железо, чтобы не раскисать, а потом дотемна вожусь во дворе. – Его лицо чуть светлеет. – Не хочешь посмотреть мой сад? Твоя мама всегда растения любила. И ты помнишь, где я живу.

– Да, сэр, помню. – Ну вот опять. Малышка Лони отвечает взрослому дяде. Во Флориде со мной вечно так.

– Тогда заглядывай, слышишь? Лучше всего в понедель-

ник. Понедельник у меня теперь выходной – гибкий график, знаешь ли. – Он указывает на меня пальцем. – Так когда ты придешь?

– Эм... в понедельник?

– Молодец.

Мы подходим к аптеке, и он смотрит на часы.

– Ладно, расстанемся здесь, пойду навещу твою маму. Если я уйду от нее до того, как ты вернешься, увидимся в понедельник, хорошо? – Шаппель уходит, а я покачиваюсь, точно лодка в оставленном на воде следе.

Открываю стеклянную дверь аптеки с выцветшей наклейкой – пингвин в окружении сосулек. «Здесь ХОЛОДНО», – гласит она, напоминая о временах, когда кондиционеры были редким чудом. Я покупаю маме ватные палочки, расплачиваюсь и ухожу. Снова стою под неумолимым солнечным светом, сжимая упаковку так сильно, что пластик прогибается. Ненавижу возвращаться домой. Каким бы коротким ни был визит, это место всегда напоминает мне об отце.

Главная улица пуста, слишком жарко. Я прохожу мимо агентства недвижимости Элберта Перкинса с закрытыми вертикальными жалюзи. Затем мимо магазина платьев Велмы, где на зеркальном стекле висит потрескавшийся желтый целлофан, окрашивая черно-белое выпускное платье без бретелек на манекене в оттенки сепии, точно снимок из старой газеты.

«И как я сам не понял, – сказал молодой капитан Шап-

пель моей матери той непривычно холодной ночью, когда мне было двенадцать. – Он дома не вел себя странно? Может, хандрил из-за чего? А то по всем карманам были свинцовые грузила...»

Отворачиваюсь от магазина Велмы.

На другой стороне улицы возвышаются фальшивые колонны ратуши в стиле Георгианской эпохи – попытка изобразить размах, который никак не вяжется с маленьким Тенетки. По диагонали от нее, бросая вызов любому намеку на архитектурное единство, примостилась бухгалтерская фирма моего брата, фасад которой блестит дымчатым стеклом и металлической отделкой, богатством, заимствованным, как я подозреваю, у юристов, которые делят с ними здание. Я иду к нему. Стремительная карьера Филадельфии, несомненно, связана с уверенностью безусловно любимого ребенка. Ему всего двадцать четыре, а он уже присоединился к международному клубу обслуживания «Киванис», дал о себе знать тузам города и занялся гольфом – в общем, сделал все необходимое, чтобы заполучить максимальное количество клиентов-бухгалтеров в этом городе и за его пределами.

Фил обладает тем, что люди называют обаянием. Оно точно не фальшивое, но я знаю брата лучше, чем прочие. Мне хочется потянуть блестящую квадратную ручку двери его причудливого здания и крикнуть внутри: «Сам решай проблему! Я не просто так покинула этот город!» Но тогда партнеры Филадельфии и соседи-адвокаты поднимут головы и станут

бормотать: «*Надо же, какая у него сестра чудная. Нуво-янки. Думает, что она большая шишка*». Поэтому я передумываю и вместо этого перехожу улицу.

Дым жареного лука окутывает меня, когда я прохожу мимо закусочной F&P Diner, над чьим названием шутило несколько поколений детей. Как, наконец, объяснил мне в десятом классе хихикающий мальчик, что сидел позади меня на английском: «Ну F и P, разве ты не понимаешь? От их бобов и печенья твоя задница будет издавать те же звуки».

– Фу! – воскликнула я и заработала сердитый взгляд от миссис Эббот. Она была новенькой в городе и носила пояс, который превращал ее двойное платье в трехъярусный торт. Мы читали «Зиму тревоги нашей». Стейнбек приводил миссис Эббот в восторг.

Она спросила нас, что мы думаем о конце книги, и я подняла руку.

– Не понимаю, – сказала я, – что он делал в том месте. Было ли оно связано с пристанью? И зачем взял с собой бритвенные лезвия?

Уже сердясь на то, что я болтала в классе, миссис Эббот затрясла толстыми щеками.

– Он собирается покончить жизнь самоубийством.

– Нет же! – Я перевернула страницы. – Посмотрите сюда... страница двести девяносто восемь... Он говорит: «Я должен вернуться». – Я с горящим лицом уставилась на миссис Эббот. – Так что вы *неправы*. Он возвращается

домой к детям.

– Юная леди, встаньте, – прищурилась учительница. – Не смейте говорить со мной в подобном тоне. Пожалуйста, покиньте класс.

Это означало: *«Иди в кабинет директора и ожидай там своей незавидной участи».*

В дверях я повернулась и бросила последний взгляд на Эстель, и та сочувственно скривила рот. Миссис Эббот подталкивала меня, как призового теленка, и вместе с ней я потопала по унылым черно-белым плиткам к тому, что мы называли «Чистилище училища».

Пока миссис Эббот беседовала с директрисой, я с коло-
тающимся сердцем сидела в коридоре. Учительница вышла, и я приготовилась к лекции, наказанию и еще одной лекции. Вместо этого миссис Эббот неловко взяла меня за руки своими пухлыми ладонями.

– Прости, Лони. Мне так жаль.

В тот день я прошагала по коридору, хлопнула шкафчиком и проглотила свой несъедобный ланч, и вдруг меня осенило: другие люди знают что-то, чего не знаю я. До тех пор я заставляла себя забыть слова, что долетели на верхний этаж в тот день, когда мой отец не вернулся домой. *«Преднамеренно... грузила... не в себе...»* Потом все говорили о несчастном случае, а значит, капитан Шаппель имел в виду не то, что я подумала. Должно быть, он сказал *«непреднамеренно»*.

Но вот тогда, четыре года спустя после трагедии, все вдруг

сложилось.

Ни один человек в городе больше себя так не разубеждал. Глупое сочувствие учительницы показало мне, что и она, и директор, и каждый засаленный пубертатный школьник, спешащий мимо меня в коридоре, проводили знак равенства между моим отцом и тем парнем с лезвиями из книги Стейнбека. Вот только персонаж романа вернулся домой.

Наша церковь учила: суицидники попадают прямиком в ад, а не проскакивают участок и не получают двести долларов, как в «Монополии». Нам страховку выплатили. А что с раем? Апостол Петр видел бланк с пометкой «Несчастный случай»?

Возвращаюсь в больницу и вручаю матери палочки.

– Лони, как хорошо, что ты пришла. Послушай, я заболела. – Она с трудом дышит. На палочки даже не смотрит. – Слышишь? Мокрота в легких. Как в следующий раз пойдете с папой на болота, скажи, чтобы он принес мне листья восковницы. Не надо весь куст, просто горсть листьев. Сделаю ингаляцию.

Что с ней, помутнение рассудка? Я вспоминаю о папе, и она вдруг о нем вспомнила? Ей кажется, что он просто отлучился. Тогда мне, получается, сколько? Десять-одиннадцать лет?

Возвращаю нас обоих в реальность.

– Мам, я тебе ватные палочки принесла.

Как же наше правило? Не упоминать отца. Правила надо

соблюдать.

– Восковница при мокроте – первейшее средство, – отвечает мать.

Народные рецепты не притворство, она выучилась им у папиной матери, бабули Мэй. Но изначально мама вовсе не интересовалась травами. В шестнадцать она дебютировала в Таллахасси в белых перчатках и вечернем платье, танцевала с папой котильон. Оба ее родителя были профессорами – дед в области зоологии, бабушка в классической литературе – и прочили ей карьеру концертирующей пианистки. Брак с моим отцом положил конец всему.

Бабушка Лорна отвела лекцию по философскому подходу в Древней Греции и потратила час на дорогу в Тенетки, чтобы сказать: «Рут, даже если выходишь за Бойда, ты не обязана мимикрировать под него».

Но моя мама приспособилась к сельской жизни и почерпнула больше знаний о травах и садоводстве у свекрови, чем у собственной матери о выращивании роз.

Теперь, стоя в небольшой палате, она говорит:

– Так передай папе насчет восковницы, хорошо? – Затем оседает на виниловый стул. – Он больше ко мне не приходит.

Ага, ко мне тоже. И хорошо.

Я быстро гоню эту мысль. Ничего хорошего в его уходе не было, нелепое бессмысленное событие, что выбило почву у нас из-под ног.

– Мам, мне пора. Заскочу завтра. – Целую ее в щеку, лег-

ко и без лишних эмоций. Похоже, мать и правда нездорова, иначе не допустила бы таких вольностей.

– То есть мне придется спать здесь? – встревоженно переспрашивает она.

В глубине души мне хочется забрать ее из этой комнаты размером с кухню и привезти обратно в дом на болоте со скрипучим крыльцом, верандой и стоящим поодаль гаражом, пропахшим мульчей и глиняными горшками.

– Да, – говорю я. – Поспишь здесь. Пока запястье не заживет. – Сносная ложь. Я поворачиваюсь к двери.

– А что у тебя в кармане? – спрашивает мать.

Прикрываю ладонью задний карман джинсов. Записка. Совсем позабыла ее перечитать.

– А, это... список покупок. – Еще одна ложь. – До завтра!

На сей раз, когда дверь больницы закрывается за мной, я достаю и разворачиваю розовый листок.

Дорогая Рут,

мне нужно кое-что сказать тебе о смерти Бойда.

Пошли слухи, думаю, они тебя заделали. Тогда я не могла тебе сказать, но теперь настало время. Если ты не против, я загляну на день или два, поговорим.

Твоя Генриетта

Генриетта. Пытаюсь вспомнить человека с таким именем. Тщетно.

Складываю записку, схожу с пандуса и возвращаюсь

на парковку.

Ко мне приближается мужчина с тонкими белыми волосами и неровной серой щетиной, как-то даже шустро для его возраста. Разве пациентам не положено оставаться внутри? Он кричит мою фамилию:

– Эй! Марроу! – И внезапно заступает мне путь. – Побегись, а то закончишь, как твой папаша, лицом вниз в болоте.

Я резко втягиваю воздух.

– Проваливай из города, девчонка, – рычит незнакомец, точно зверь.

Из-за угла здания выходит молодой парень в фиолетовой больничной униформе и отбрасывает окурки.

– Эй, Нельсон! Я сколько раз говорил? Тебе сюда нельзя! А ну убирайся!

Старик отпрыгивает прочь от меня, пересекает парковку и шагает к улице, но затем лысеющая голова поворачивается и в меня впиваются слезящиеся глаза.

Мы что, знакомы?

Он забирается в побитый синий пикап, жмет на газ и исчезает.

Я заруливаю на посыпанную гравием подъездную дорожку перед знакомым белым двухэтажным домом и несу свой

маленький чемодан в мою бывшую спальню. Наверху я перешагиваю через сломанную подставку для карандашей, старый кожаный чемодан и сувенирный снежный шар, а затем пробираюсь между полными и полупустыми картонными коробками. Фил и Тэмми уже начали собирать вещи в доме моей матери. Кто им это велел? В комнате мамы такой же беспорядок. Я разглаживаю складки на кремовом покрывале из шенилла, которое лежало здесь еще до смерти моего отца.

Блузка липнет к спине, как мокрый пакет. В окна не попадает ветерок, только яркий солнечный свет, что делает стены и пол какими-то плоскими и незавершенными, хотя все поверхности окрашены, оклеены обоями, покрыты лаком и прочно закреплены.

Тэмми поставила под кондиционером коробки с надписью: «ДАРОМ». Книги – одна из немногих вещей в этом доме, к которым я испытываю привязанность. Не позволю их раздать, что бы невестка с Филом ни задумали.

Поднимаю одну из тяжелых упаковок, чтобы добраться до кондиционера, но тут мне в голову приходит идея. Спускаю короб по лестнице, выношу через сетчатую дверь и дальше по ступенькам крыльца, пока не добираюсь до багажника своей машины. Не знаю, что с этими книгами делать, просто хочу их сберечь. За время спасательной миссии я восемь раз поднимаюсь и спускаюсь по лестнице. У девятой коробки нет крышки. Внутри куча мистики и детективы в мягкой обложке. Укладываю короб в заднюю часть машины. Я поступаю

группо? Почти в каждом томе бумажная закладка. Помню, мама вечно говорила отцу: «*Почему бы тебе не почитать что-нибудь хорошее?*», а он бросал на нее пустой взгляд и возвращался к своей мистике. Удивительно, что мать это все сохранила.

Однако сверху лежит книга о птицах с экслибрисом *профессора Таддеуса (Тэда) Ходжкинса, факультет зоологии, Университет штата Флорида*. Вытаскиваю ее. Рядом с иллюстрациями – летящий почерк дедушки Тэда: даты и места наблюдений, погодные условия и заметки о поведении птиц. Бесценные записи.

О птицах мне впервые поведал не дедушка, а отец. Тем не менее мне нравится представлять себе первый разговор между лысеющим профессором в твидовом костюме и деревенским парнем, пришедшим забрать на свидание его дочь. Поначалу оба держатся чопорно и формально, дедушка Тэд задает вопросы вроде «Во сколько вы привезете ее домой?» и «Надеюсь, вы не лихач?», пока каким-то образом они не затрагивают тему птиц.

И тут лицо старика меняется. Он запрокидывает голову, словно прислушивается, и тянет: «Да, да, а вот хохлатая желна...», и беседа идет куда бодрее. Говор молодого человека все еще достаточно простоват для того, кого профессор предпочел бы в избранники своей дочери. Однако дедушка замечает, глядя на супругу: «А парень разбирается в птицах!» Оба мужчины улыбаются, а бабушка хмурится и испе-

пеляет их недовольным взглядом.

Возвращаюсь наверх и выношу самую тяжелую коробку. Когда я перехватываю груз, чтобы открыть сетчатую дверь, коробка кренится и содержимое вываливается. Я наклоняюсь и по одной укладываю книги обратно. Маленькая тетрадь в спиральном переплете раскрылась, страница испещрена чьим-то почерком, и я присматриваюсь.

Дует ветер, и приходится придержать страницу. Я наполовину в доме, наполовину снаружи и, пока читаю, сперва встаю на колени, потом сажусь, затем поднимаю тетрадь и прислоняюсь спиной к дверному косяку.

Снова не могу уснуть. Все думаю – а вот если, вот если... Просто с ума схожу.

Еще и гад, папаша Бойда, заявился сегодня попросить займы, а в итоге только ядом своим забрызгал. Только это и может, ну хоть заходит редко. Не хочу думать о нем и о том, как он влияет на Бойда.

Доктор говорит, причина бессонницы в беременности, лучше лежать на левом боку, подкладывать одну подушку под живот, другую зажимать между колен. Все равно норовлю перевернуться на живот. Хочу потихоньку спуститься вниз поиграть ноктюрн, но вдруг Бойд проснется. Или посидеть среди моих трав, бергамота и лаванды, но входная дверь может скрипнуть. Когда возжусь с землей, могу...

Слышу скрежет гравия под колесами и поднимаю глаза. Приехали Фил и Тэмми. Я бросаю тетрадь в коробку и встаю, дверь хлопает за спиной. Фил глушит двигатель, как только я закрываю крышку багажника. *«Веди себя дружески».*

Машу им рукой.

Фил неловко вытаскивает свое длинное тело из-за руля – прямо фламинго, одетый в хаки.

И это вот выросло из коренастого малыша, что бегал по двору, таская за собой любимую игрушку – деревянные счеты? Тэмми выбирается с пассажирской стороны, глядя на меня так, как ястреб смотрит на добычу. Я иду к ним.

– Хэй! – здороваюсь я. Никогда так не делаю в Вашингтоне.

– Хэй, – отвечает Тэмми, не сводя с меня глаз. Платье из спандекса обтягивает все ее кости, выделяется только небольшой живот. Мелированная светлая челка доходит ровно до бровей.

Каждую нашу встречу Фил кажется все выше и стройнее. Он унаследовал от отца светло-каштановые волосы, но отрастил короткие бакенбарды, волосы на макушке уложены слоями – модная мужская стрижка, явно дело рук Тэмми.

Брат наклоняется и сухо целует меня в щеку. Указываю глазами в сторону дома:

– Смотрю, вы уже вещи собираете?

– Да, – подает из-за спины голос Тэмми.

– Уже мать выселяешь? – спрашиваю я брата.

Повисает тишина, которую вновь нарушает невестка:

– Скажи ей, Фил.

– Я нашел арендаторов.

– Ого! – К черту дружелюбие. – А мы вообще это обсуждали?

– Фил провел опись, составил список... – снова вмешивается Тэмми.

– Опись? – Смотрю я на брата.

– ...чтобы мы сели и как цивилизованные люди решили, кто что хочет забрать, – заканчивает невестка.

Круто разворачиваюсь к ней.

– Ты сама себя слышишь?

Она распахивает глаза и смотрит на Фила. Тот поднимает ладони. Невестка цокает на шпильках к дому, ковыляя по усыпанной гравием дорожке.

Брат облокачивается на капот своей машины. Он всегда держится слишком самоуверенно. Квадратный подбородок и глубоко посаженные глаза неизменно производили впечатление на таких дамочек, как Тэмми. Но для меня Фил все тот же бледный худощавый мальчишка, позвякивающий мелочью в кармане. Я знаю каждый его нервный тик, как он дергает ногой под столом, постукивает пальцем, выпуская лишнюю энергию. Мама называла его перкуссионистом. И хотя я на двенадцать лет старше, похоже, брат ре-

шил, что именно ему принимать все решения.

– Ты сдаешь дом? Даже не поговорив со мной?

– Лони, тебя здесь не было. – Бряк-бряк.

– Я приехала, как только смогла! Сам попросил меня взять отпуск подольше, я так и сделала, и пришлось нелегко! А ты пока успел принять кучу решений.

Он отталкивается от капота.

– Слушай, Элберт Перкинс высказал заманчивое предложение. Те люди на самом деле хотят купить дом, а не снять. Я согласился на краткосрочную аренду. Сама подумай, чего активу простаивать?

– Активу? Фил, это наш семейный дом. Дом нашей матери.

– Лони, ей больше нельзя жить одной.

Пытаюсь принять этот факт.

– И знаешь, какие счета выставляет больница? – добавляет брат.

Маленький бухгалтер нашей семьи. Я всегда обходилась с ним слишком мягко. Остаться без отца в младенчестве – это удар, от которого никогда не оправившись. Но на этот раз я уступать не намерена. Даже когда брат очаровательно улыбается и кладет руку мне на плечо.

– Брось, сестренка, все утрясется.

Откуда взялся этот раздражающий оптимизм? Розовая записка жжет карман, и отчасти мне хочется поделиться с Филом ее содержимым. Но у нас есть правило: *не говори о папе*.

Брат ведет меня к дому и царящему внутри хаосу.

5

Слава богу, наконец уехали. Когда сумерки опускаются на болото, я выхожу наружу. Щербатый причал успел потерять еще немного досок, и несколько новых домов заслоняют вид на луг и ручей. Огородик матери сохранил свои приятные очертания. Зимы здесь достаточно мягкие, поэтому сад цветет круглый год. Ее базилик разросся в целый куст, а розмарин превратился бы в дерево, если бы она его постоянно не обрезала. Кажется, мама продолжала поддерживать сад в порядке, даже когда интерьер дома превратился в руины.

Я запрокидываю голову, чтобы посмотреть на развилку дуба, где у ствола сходятся две толстые ветви. Раньше мне нравилось тут думать о своем. Мама боялась, что я упаду, но папа сказал: «Рут, оставь ее. Это гнездо Лони Мэй».

Там, наверху, я оттачивала слух, пока мать и наша соседка Джолин Рабидо сидели на заднем крыльце, пили чай и тайком курили сигареты. Джолин напоминала картофелину на двух зубочистках и пересказывала каждое громкое преступление от Пенсаколы до Порт-Сент-Люси. Ее муж был диспетчером отдела надзора и рыбоохраны, так что, возможно, именно оттуда она узнавала новости.

Однажды соседка проворчала:

– Думаешь, Бойд слишком часто уезжает в свой рыбацкий лагерь? Да мой Марвин целый день разговаривает на работе по рации, а когда приходит домой, то сразу хватается за радио. Если не слушает, то чинит. Вчера вот как заорет: «Джолин! Я нашел новую частоту!» Я пошла в нашу гостевую спальню, а там муженек: в одной руке старая железяка, а вокруг разбросаны радиодетали. Пусть Бойд и уплывает на лодке по выходным, Марвин не со мной, даже когда он дома!

В другой раз она сказала:

– Не все в отделе чисты и безгрешны, запомни мои слова. – Я представила ее фразу на бумаге, подчеркнутую красным карандашом, как в школе. *Запомни мои слова.* – Марвин сидит на рации, он точно знает.

Однажды, когда мне и семи не исполнилось, мама выбежала из дома, сказав, что сейчас придет миссис Рабидо. Я никогда не оставалась дома одна. Все ждала и ждала. Проверила кладовую, не появилось ли чего среди муки, овса и бобов. Зашла на веранду и почувствовала, как плиточный пол холодит ноги, затем поднялась наверх на лоджию, где дом, казалось, дышал, то всасывая, то вытягивая наружу сетку. Затем выбежала на улицу к дубу и забралась туда, где, как я точно знала, буду в безопасности.

– Ау! – позвал голос какое-то время спустя.

Миссис Рабидо стояла в дверях и кричала внутрь дома.

На ней было красное платье в цветочек без рукавов, по-

хожее на мешок с луком. Я слезла с дерева и стояла позади соседки, пока та не повернулась и не подпрыгнула.

– Ох, негодница, чуть до приступа меня не довела!

Мы с ней сыграли девять партий в «Двадцать пять». Ближе к концу, каждый раз, когда был не ее ход, миссис Рабидо откидывалась на спинку стула и закатывала глаза. Наконец мы услышали, как на подъездной дорожке прошуршал грузовик моего отца, и, повернувшись, увидели за рулем маму. Папа сидел на пассажирском сиденье с марлевой повязкой на руке и плече.

– Старый Гарф Казинс сбрасывал мусор в водосточный колодец, я выписал ему штраф в пятьдесят долларов. Придурок кинулся на меня с ножом. Наверное, пьяный был, – сообщил он соседке.

– Наверняка, – отозвалась та и, не думая, хлопнула отца по плечу.

Он скривился, увидел, как я дернулась, и быстро нацепил невозмутимую маску. Вот только заговорил не сразу.

– Не волнуйся, Лони Мэй. Просто царапина. – Отец попытался улыбнуться. – Мистеру Казинсу пришлось куда хуже. Он, скорее всего, попадет за решетку.

Гарф Казинс действительно угодил в тюрьму штата и много лет ненавидел нашу семью. Прислал папе письмо с угрозами, отчего лишь просидел дольше. Но что стало с Джолин? Бьюсь об заклад, она знала эту Генриетту, автора записки. Насколько помню, Джолин и Марвин уехали вскоре после

смерти моего отца. Вот только были здесь, а на следующий день снялись с места, дом опустел, даже дверь так и осталась приоткрыта. Их особняк до сих пор стоит заброшенным прямо на дороге.

В своей детской спальне я забираюсь на старую односпальную кровать с клетчатым покрывалом и включаю лампу. Если некоторые люди читают, чтобы заснуть, то я рисую. Набрасываю в альбоме заднее крыльцо, как оно выглядит с дуба, Джолин с ее круглым лицом и собранными в хвост тонкими волосами. Моя мать сидит за плетеным столом, перед ней в пепельнице сигарета. Я пытаюсь нарисовать лицо матери, но у меня не получается. Стираю черты ластиком и пробую еще раз.

И еще.

Во Флориде картинки возникают в моем альбоме без спроса. Те, что меня тревожат, летят в ведро. В мусорке уже лежат три наброска странного человека, который накинулся на меня на стоянке у больницы. Плюс набросок нашего опасного дока. Вырвать. Смять. Выбросить. Я говорю непокорному рисунку своей матери: *«Посмотри на меня!»* Но не могу ухватить *мякотьку*.

Возможно, это выражение шокировало бы утонченных дам Таллахасси, но среди художников-орнитологов оно в ходу. Это как «суть», но более емкое – энергия, дух, что стирается за пределы рисунка и затрагивает жизненную силу пернатых. Нарисовать его на самом деле невозможно, но ес-

ли он не чувствуется на картине, паршивый ты художник. Я всегда лучше управлялась с изображениями животных, но уж мякотку собственной матери изобразить-то могла?

Люди говорят, что я похожа на нее. Поэтому пробую еще раз, сосредоточившись на наших общих чертах: тонкие губы, острый подбородок, темно-шоколадные волосы. Конечно, мои свисают по бокам лица, поэтому на рисунке я придаю прическе другой стиль и добавляю седину на висках. Тем не менее получается лишь какой-то странный автопортрет. Я в ее возрасте.

Переворачиваю страницу и пробую другую сцену – мама в молодости за роялем, длинные волосы распущены, на них вмятины от шпилек, которыми локоны были скреплены весь день. Белое хлопковое платье, более изысканное, чем выглаженные рубашки, которые она обычно носила. Если мама исполняет ноктюрн, то отец за кадром наверняка в своем рыбацком лагере. Ноты, которые срываются с ее пальцев, не оставляют следа на рисунке, но если бы могли, то передали бы мамину тоску.

На рисунке я разворачиваю ее на банкетке. Она все равно сопротивляется. «Ну же, мама!» – говорю я вслух, но лицо получается раздраженным.

Уже поздно, поэтому я бросаю альбом и выключаю свет. Стук дождя по крыше превращается в барабанную дробь. Природа выливает содержимое своего кувшина. Я представляю, что внизу играет фортепиано, мамыны пальцы танцу-

ют по клавишам. Играла ли она ноктюрн той ночью, думая, что мой отец в тепле и безопасности сидит в лагере? Когда на самом деле не было ни тепла, ни безопасности. Он просто пропал.

6

18 марта

Утром я выхожу полить мамины травы. Как она умудрялась сохранить их в таком идеальном виде, когда все остальное пошло прахом? Вытягиваю длинный шланг, отвинчиваю кран и распыляю воду сначала в одну сторону, потом в другую.

Поднимаются ароматы – пряная терпкость тимьяна и головокружительный ментол шалфея, нежный запах лепестков ромашки и сосновая прохлада розмарина. Лаванда еще не распустилась, поэтому на удивление нема. Направляю шланг на базилик, и вокруг все наполняется его ароматом.

Я возвращаюсь внутрь. В столовой лежат предметы, которые Тэмми сняла с буфета: льняные салфетки с кружевными краями и такая же скатерть, когда-то принадлежавшие бабушке Лорне, лиможский фарфор с золотой каемкой, что никогда не покидал шкафа, набор тиковых мисок и все остальные прекрасные вещи, которыми моя мама владела, но не пользовалась из-за неприязни к ее собственной матери. К стене куском скотча прикреплена многостраничная таб-

лица под названием «ИНВЕНТАРЬ». Я поднимаю первую, проглядываю вторую и бросаю затею, возвращаюсь в комнату и ищу что-то розовое – конверт. Тот, в котором пришла записка, с яркими чернилами и на новой бумаге. Все, что мне нужно, – это обратный адрес.

Внезапный шум у двери сменяется топотом ног и детскими голосами, кричащими: «Тетя Лони!» Два самых ярких огня в городе устремляются ко мне. Мой пятилетний племянник Бобби худой и шустрый.

– Что ты привезла? – Он знает, что перед поездкой во Флориду я посещаю магазин Музея естественной истории.

Следом заходит его более сдержанная шестилетняя сестра Хизер, размахивая лакированной сумочкой. Ее темные волосы в стрижке паж взъерошиваются, когда я крепко сжимаю их обоих, и они следуют за мной к моей сумке. Я морщусь лоб.

– Гм... вы думали, я что-то вам привезла?

– Да! – заявляет Бобби. Его «ежик» мягкий на ощупь.

– Ладно, привезла, – признаюсь я, доставая шляпу в виде акулы с белыми войлочными зубами. Бобби надевает ее и смотрит в зеркало над буфетом, как плюшевая акула пытается проглотить его голову. Он принимается бегать кругами, крича: «Ааааа!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.